

РАССКАЗЫ

Зайчик

Началось как обычно – Игорулик наловил глосей, пожарили их, отварили картошку, сделали греческий салат со свежей брынзой и маслинами, взяли пару бутылок белого, сели.

Начал Димедрол. Говорит, мол, так и так, «Нью-Йорк таймс» сообщает, что город наводнен крысами и с этим надо что-то делать. Тема не так чтобы к столу, но Игорулик ее тут же подхватывает:

– У меня, между прочим, с крысами страшная проблема. Они учуяли в моей машине запах рыбы, завели себе там гнездо и мимоходом перегрызли всю проводку. Завожу машину, а она не заводится. Механик посмотрел и говорит: чувак, у тебя же тут крысы живут!

– Так ты их как-то травить? – спросил Толик.

– А как их травить? Специальный крысиный яд они не жрут. Я им на Брайтоне настоящее украинское сало покупал с толченым стеклом, ни фига не помогает. Они уже так прижились в моей машине, что даже не ждут, когда я рыбу повезу, они где-то свою находят и туда тащат.

– Во-первых, все украинское сало с Брайтона делают поляки из Нью-Джерси, – сказал Димедрол. – Во-вторых, крыса – умное животное. В одном и том же месте ты не можешь два раза пользоваться одним ядом. Отравленная крыса как-то передает перед смертью своим, что, мол, это жрать не надо, даже если оно хорошо выглядит.

– Мне один знакомый из Балтимора рассказывал, что самое верное средство – это поймать крысу, посадить ее в ведро и поставить на огонь, – сказал Игорулик. – Она так орет, что другие крысы разбегаются и потом к этому месту даже подходить боятся.

– Зажаривать крысу живьем – бесчеловечно, – сказал Димедрол. – Мне один индус на работе говорил, что он берет вяленое мясо, мелко рубит его и посыпает обычным алебастром. Крыса это ест. Потом алебастр у нее в желудке застывает и становится как камень. И все, кранты.

– Да-а, это, конечно, очень человечно, – сказал Игорулик. – Нет, лучше всего купить винтовку с оптическим прицелом, выманить их на какое-то открытое пространство и там гасить.

– Ага, – сказал Димедрол. – Ты двух выстрелов не сделаешь, как тебя менты скрутят.

– Это смотря какая винтовка, – заметил Толик. – Я вам расскажу одну историю по этой теме, правда вместо крыс в ней участвует зайчик. Только освежите бокалы.

Димедрол освежил, Толик сделал глоток, промакнул губы салфеткой и начал:

– Как вы знаете, моя Люся большая любительница цветов. Засадил ими весь двор. Георгины, гладиолусы, какие-то ромашки, маргаритки, короче...

– Живерни, – вставил Димедрол.

– Совершенно верно! – согласился Толик и продолжил: – В общем, все было хорошо, пока в садик не повадился ходить зайчик. Серенький такой, мордочка симпатичная, впереди два зуба, уши, одно «но» – жрет ее цветы. Просто выкапывает корни и жрет их, скотина. Она его шуганет,

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Морьяк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

он убегает. Она уйдет, он назад. Короче, так мы живем, пока Люся не предлагает на мой день рождения съездить на три дня в Лас-Вегас. Почему нет? Прилетели, сначала на шоу, потом в казино, и что ты думаешь, моя Люся выигрывает полторы тысячи баксов! Боже мой, Толя, это же такая удача, вот тебе и подарок – купи все что ты хочешь. Что я хочу? Я хочу покоя, все остальное у меня есть. Но на нашу беду, когда мы возвращались в гостиницу, мы проезжали мимо оружейного магазина, и я ей говорю: «Люся, всю жизнь я мечтаю иметь винтовку или пистолет. Давай зайдем, хоть посмотрим, что у них почем». Она мне: «Деньги твои, делай что хочешь».

Заходим. Продавец, наш человек, говорит: ребята, если вы из Нью-Йорка, забудьте про все огнестрельное. У меня есть для вас одна немецкая пневматическая винтовка, это – нечто. У нее в прикладе компьютер, в прицеле у нее радар, если бы калибр побольше, из нее можно было бы самолеты сбивать, но зачем вам самолеты? С пятидесяти шагов можно уложить, скажем, белку. Пять белок – шапка. Еще пять белок – еще шапка. Бизнес! А самое главное – стреляет практически бесшумно.

Сколько стоит? Полторы тысячи! Ничего себе! А вы что думали! Дешево хорошо не бывает! Короче, купили. Идем в гостиницу, а в голове одна мысль: ну, заяц, погоди!

Проходит неделя, получаю посылку. Распаковываю. Вещица – знатная. Из рук выпускать не хочется. Ну, я прицелился пару раз туда-сюда, пощелкал, потом подхожу к окну, нет ли там случайно этого монстра. Что вы думаете? Есть!

А в это время моя Люся на кухне колошматит молотком свиные отбивные. Я думаю: мамая моя родная, какая удача! Сейчас я проверю, насколько мой винт бесшумный, а нет – так мой выстрел сойдет за Люсину кухонную деятельность.

Вставляю обойму, а в нее, между прочим, помещается патронов ровно на пятьдесят баксов, но кто уже считает! Занимаю позицию, включаю компьютер и радар (что я напрасно полторы штуки заплатил!), навожу красную точку на передние два зуба противника и открываю беглый огонь. Обойма улетает тут же. Опускаю винтовку, смотрю: заяц как ни в чем не бывало продолжает закусывать, а я своей стрельбой положил довольно много георгинов. Видимо, высоко взял. Другой может быть и остановился, но у меня, как говорится, вожжа под хвост попала. Я беру следующую обойму и снова в бой! Тот же эффект – заяц на месте, георгинов – еще меньше. И тут появляется моя Люся. Со своим молотком. Она решила перекурить и заодно полюбоваться своими цветочками. И вот она смотрит на них, потом она смотрит на меня с винтовкой в руках, потом на зайчика, который спокойно молотит очередной гладиолус, и принимает единственно правильное решение. Она размахивается и бросает молоток в это ненасытное животное.

– Хорошо, что не в тебя! – заметил Игорулик. – Моя бы точно в меня кинула. У нас дома я отвечаю за все по дефолту.

– Люся – умная женщина, – вставил Димедрол. – Она сразу поняла, кто ее враг.

– Она, конечно, умная женщина, в этом ей не откажешь, – вздохнул Толик. – Но охотиться с молотком на зайцев ее никто не учил. Поэтому этот молоток летит мимо этого долбаного грызуна и попадает в стену соседнего дома, где висят счетчики и идет газовая и электрическая проводка. Куда именно она попала, я не знаю, но шарахнуло так, что я даже подумал, что это наши в городе. Короче, забор упал прямо на эти несчастные цветы, стекла в окнах высадило нахрен и еще три дня у меня в ушах звенело.

– Было Живерни и не стало, – подытожил Димедрол.

– Ты знаешь, Живерни не стало, но, как говорится, нет худа без добра. Забор когда упал, он этого зайца таки прихлопнул.

– Справедливость восторжествовала! – сказал Игорулик.

– Верно, но во сколько мне это обошлось? Ремонт соседского имущества, – Толик стал загибать пальцы, – забор, стекла и еще винтовка за полторы тысячи долларов, от которой толку как от козла молока.

– Да, расход на винтовку был лишним, – признал Игорулик. – Кухонный молоток можно купить в китайском магазине за 99 центов.

– Я же говорю, Люся – умная женщина, – сказал Димедрол. – Она более рационально расходует семейные деньги. Предлагаю выпить за ее здоровье.

– Присоединяюсь, – сказал Игорулик.

Димедрол разлил вино по бокалам, друзья чокнулись и выпили.

Август 2022 года

Идиот

– А ну, дай сюда, – сказала мама и взяла у Стеллы листок.

Это была желтая в полоску страница из обычного школьного блокнота с неровно оторванным верхним краем. Отведя руку и шурясь, она начала читать:

– Я, Стелла Леонидовна Цепенюк, клянусь, – она приблизила бумагу к глазам, снова отвела, – в том, что если я еще раз... – Ничего не вижу без очков. На, читай. – Она протянула листик сидевшему рядом мужу. Тот был в очках.

Леонид Михайлович нашел место, на котором остановилась жена, и продолжил:

– ... если я еще раз оскорблю своего мужа Виталия каким-нибудь оскорбительным словом, – Леонид Михайлович перестал читать и приподняв бровь посмотрел на зятя. Тот сидел за рулем, глядя перед собой, но со стороны было видно, как играют желваки на его скулах.

– Читай, что ты встал? – сказала Ольга Николаевна.

– Так пусть бог покарает какой-нибудь страшной карой по своему выбору, меня, моих родителей и всех моих родственников, – закончил Леонид Михайлович.

– Не понял, а я тут при чем? – изумился брат Стеллы Феликс.

– Ну, ты представляешь? – сказала Стелла. – Этот идиот написал это и заставил меня подписать!

– Таки идиот, – согласилась Ольга Николаевна негромко, но так негромко, чтобы зять ее слышал. – А у тебя голова есть, зачем ты это подписала?

– Сначала я хотела кинуть ему это в голову, – объяснила Стелла. – Но потом я подумала, что если я это сделаю, так вы не увидите эту справку для психбольницы. Идиот! Чтобы бог меня наказал по своему усмотрению! А ты не бойшься, что бог покарает тебя за то, что ты написал этот бред?!

– Стелла, я не понимаю, зачем ты это сделала?! – лицо у него стало пунцовым.

– А зачем ты это сделал?! Ты просто какой-то недоразвитый!

– Как тебе это нравится? – спросила Ольга Николаевна у Леонида Михайловича.

– Он мог не подумать, – уклончиво ответил тот.

– Она его оскорбляет, а я виноват, – снова подал голос брат Феликс.

– Ты что, испугался? – спросила Стелла брата. – Кому ты нужен? Какое ты вообще имеешь ко всему этому отношение?

– Вот именно, – согласился Феликс. – Какое я имею к этому отношение?

– Если ты не имеешь к этому отношения, то чего ты сидишь в этой машине? – поинтересовался Виталик.

– Он сидит в этой машине, потому что мы хотели подписать документы, а потом пообедать в «Лимане», – напомнил Леонид Михайлович.

– Дай мне, – сказала Стелла и протянула руку за листком. – Теперь я могу кинуть ему это в голову.

– Ничего не надо кидать, – Ольга Николаевна забрала листок у мужа, сложила его и спрятала в сумку. – Я это сохранию. И я знаю, где я это покажу в случае чего.

– Где вы это покажете, мама? – сказал Виталик. – И в случае чего именно? Скажите мне сейчас, чтобы я знал.

– Когда надо, ты узнаешь.

Виталик остановил машину так резко, что пассажиров бросило вперед. Повернувшись к теще, он сказал:

– Мама, отдайте мне эту бумагу, вас это не касается, дайте мне это сюда.

– Мама, ничего ему не давай, – сказала Стелла.

Схватив мужа за руку, она развернула его к рулю.

– Едь, идиот, тебе уже сигналият.

За ними действительно начали сигналиять. Они очень медленно ехали в потоке демонстрантов, двигавшихся по Эммонс-авеню. Одни шли по узкому тротуару вдоль канала, другие, не помещаясь там, выходили на проезжую часть и шли между машинами. В поднятых руках они несли листы картона с нарисованным на них угловатым кулаком, скандируя: «Бэлэмэ! Бэлэмэ!» Потом высокий голос невидимого заводилы выкрикивал новую тему: «Поджарим ментов, как драных котов!», и толпа дружно подхватывала: «Поджарим ментов, как драных котов!» Голоса собирались в тяжелую волну, катившуюся по Эммонс туда, где она выходила на Бэлт. Толпа густела, заполняя улицу как вода, плотнее и плотнее обступала машину. Шедшие мимо молодые люди иногда громко хлопали ладонями по капоту. Сзади сигналили. Виталик снова поехал.

– Посмотри на этих уродов, – сказала Стелла, кивая на улицу. – Ты не знаешь, куда они идут?

– Это – Америка, – заметил Феликс. – Имеют право.

– А я имею право спокойно ехать по улице? – ответила Стелла. – Или здесь их тоже кто-то обидел?

– Белых много, – отметил Леонид Соломонович.

– Такие же идиоты, как и черные, – сказала Ольга Николаевна. – Куда полиция смотрит – непонятно.

Полиции не было. Они ехали молча, слушая, как демонстранты скандируют свои кричалки про драных котов.

– Уже опаздываем, – сказал Леонид Михайлович.

Они направлялись в офис адвоката, чтобы подписать купчую на дом. Виталик со Стеллой жили у ее родителей в Бенсонхерсте. У тех была большая кооперативная квартира с тремя спальнями и двумя санузлами. Они поселились в ней по настоянию Ольги Николаевны после свадьбы, чтобы без спешки найти подходящий дом и подсобить денег на первый взнос. Родители должны были внести половину. Но за несколько месяцев под кровом тещи Стелла с обескураживающей скоростью превратилась из страстной любовницы в копию своей мамы.

Причиной этой трансформации, как решил Виталик, стало то, что он проводил за рулем по 12 часов в сутки и не всегда с должным энтузиазмом выполнял свои супружеские обязанности. Добавьте к этому, что одно дело раз в неделю снимать на несколько вечерних часов номер в мотеле, другое – ежедневно просыпаться в одной постели при свете дня. Фигура у Стеллы оказалась так себе, – он видел и лучше. Первое оскорбление, которое он услышал в свой адрес, носило отчасти иронический характер – импотент. Но от частого повторения всякая ироничность покинула его.

Это слово открыло дорогу другим, невероятно обидным, какие он в свой адрес не слышал никогда и ни от кого. У нее был настоящий талант вписывать оскорбления в любую фразу и, кажется, без особого повода. Она как будто заменила ими его имя. Обида росла, но воспоминания о первой вспышке их страсти, расходы на свадьбу, планы на будущее не позволяли ему хлопнуть дверью. Он надеялся, что вдалеке от мамы она станет другой. Именно по этой причине он нашел подходящий дом на Статен-Айленде.

Стоя в их будущей спальне, окна ее выходили во двор, где был виден голубой бассейн и красно-желтая пластмассовая детская горка, она спросила: «Тебе нравится?» Он еще не успел ответить, как она продолжила: «Или ты хочешь отдельную? Чтобы ты мог отдыхать?»

О, сколько яда было в этом слове «отдохнуть»! И какое усилие ему понадобилось, чтобы не сказать: «Знаешь что, Стелла, я давно уже хочу с тобой обсудить один вопрос...» Но ему помешала Ольга Николаевна.

– Доця! – позвала она снизу. – Ты знаешь, холодильник, кажется, не работает. Она никогда не приносила хорошие новости.

Перед поездкой к адвокату для оформления купчей, понимая, что потом уже будет поздно, он решил. В машине он написал многократно продуманный текст и дома, закрыв за собой дверь их комнаты, она сидела на постели и пришивала пуговицу к юбке, сказал: «Прочти это».

– Что это?

– Прочти.

Она прочла.

– Так что ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты это подписала, – он протянул ей ручку.

Он увидел, как вспыхнул румянец на ее скулах, но она взяла ручку и подписала. Не глядя на него больше, отбросила волосы с лица, так ей стало жарко. Снова взяла иголку. Сердце его защемило. Все равно, она была хороша собой – волна каштановых волос, профиль, губы... Но эти бесконечные импотенты, придурки, идиоты... Вздохнув, он сложил листок и положил на стол. Теперь его затея показалась ему совершенно идиотской. Какой силой обладала эта бумажка, что могла предотвратить в их отношениях? Не это нужно делать, не это, но как решиться? Он вышел из комнаты.

Это было утром. Они должны были быть в офисе адвоката в час дня, но из-за демонстрации опаздывали.

– Стелла, – наконец сказал негромко Виталик, чтобы его не слышали на заднем сиденье. – Ты вообще понимаешь, что ты сделала?

– Что я сделала?

– Ты выставила меня на посмешище перед своей семьей.

– Ты знаешь, сколько мне лет? – спросила она.

– 35.

– Правильно, так вот меня поздно перевоспитывать. И ты не можешь придирается к каждому слову, которое я говорю. Мало ли что я сказала?!

– Я не придираюсь, к *каждому* слову Стелла. Ты знаешь, к *каким* словам я придираюсь. И я хочу этому положить конец раз и навсегда.

– Я тоже что-то хочу! Все что-то хотят! Поэтому знаешь что?

– Что?

– Take it or leave it¹.

– Ты знаешь, Стелла, я так и сделаю.

«Теперь главное не останавливаться», – подумал он. Прижав машину к другим, запаркованым у правой бровки тротуара, чтобы оставить больше пространства для проезда слева, он достал из кармана брелок с ключом, бросил его на приборную доску и, перед тем как выйти, сказал ей:

– Я заберу машину вечером. Всего хорошего.

Она увидела, как он нырнул в толпу и тут же исчез в ней.

– Поджарим ментов, как драных котов! – неслось в открытую дверь. – Нету жира – нету мира!

– Я не понял, он что, ушел? – спросил Феликс.

– Я не могу поверить в это, – Стелла хлопнула себя по колену.

– Ты сядешь за руль? – спросил Феликс.

– Куда я сяду?! Ты что не видишь, что я не могу открыть дверь?!

– Подонок, – сказала Ольга Николаевна. – Я не представляю, как ты будешь жить с таким психопатом.

По машине стали стучать громче, сзади непрерывно сигналили.

– Я убью этого придурка, – сказала Стелла и набрала номер Виталика. Он не отвечал.

¹ Возьми или брось – популярное английское выражение.

– Бэлэмэ! Бэлэмэ! – неслось со всех сторон пугающе громко, но теперь к нему примешивалось далекое подвывание полицейских сирен. Впереди возле «Черри-Хилла» кто-то поджег мусорные баки, они занялись удивительно быстро, и черный дым потянулся к небу.

И тут же они ощутили, что машину стали толкать, она поехала, и дверца у сиденья водителя распахнулась шире. Стелла было подумала, что вернулся Виталик, но это был не он. Худой черный парень в белой майке вскочил в кабину, обдав Стеллу острым запахом пота, сверкнул на нее дикими белками так, что она вжалась в сиденье, потом поставил скорость на нейтралку, выскочил на улицу и придерживая рукой руль, стал направлять машину. В это же время несколько человек забралось на крышу и начали прыгать по ней, грозя продавить.

– Боже мой, что они делают? – спросила Ольга Ивановна.

– Я могу выйти посмотреть и вызвать полицию, – голос у Леонида Михайловича подрагивал.

– Куда ты выйдешь?! Сиди уже здесь!

Потом что-то белое забрызгало лобовое стекло, скрыв происходящее, потом со страшным звуком треснуло паутиной стекло в задней двери, посыпались удары, и оно вылетело, освободив дорогу реву: «Бэлэмэ! Бэлэмэ!»

– А-а-а-а! – закричала Ольга Николаевна, зажмурившись и закрыв руками уши.

– Эй! Прекратите! – закричал следом за ней Леонид Соломонович. – Я вызову полицию!

Феликс пытался открыть дверь, но, едва приотворившись, она билась о запаркованные справа машины.

Стоявший на другой стороне улицы Виталик видел, как его черный кадиллак-эскалейд покатился быстрее, быстрее и выскочил на тротуар, взлетели в воздух задние колеса, мелькнул черный прямоугольник днища, и машина сползла в канал. Толпа завывала от восторга. Он едва протолкался через идущих и замер у перил. Вода еще волновалась, и там, где машина ушла ко дну, бурлила от поднимавшихся к поверхности воздушных пузырей. Лебеди, отплыв на безопасное расстояние, с удивлением оборачивались на непривычно шумный с утра берег.

Потом Виталик увидел в зеленоватой мути, как из заднего окна высунулись светлые руки, и еще через несколько секунд на поверхности появилась голова Феликса. Задыхаясь и кашляя, он встал на машину и хотел что-то крикнуть, но кашель мешал ему. В него стали бросать бутылки и пивные банки. Он заслонялся, испуганно оглядывался по сторонам, прикидывая как выбраться из канала. Потом, увидев низкий деревянный причал у пирса, где швартовались рыбацкие пароходики, поплыл туда.

Странное оцепенение накатило на Виталика, его толкали, и он крепче взялся за перила, чтобы толпа не унесла его за собой. Потом он увидел, как непонятно откуда взявшийся полицейский, передав товарищу пояс с кобурой и фуражку, перемахнул через забор и прыгнул в воду.

Виталика дернули за плечо, он обернулся и увидел Феликса.

– Ну, что, ты доволен?! Идиот! Ты теперь доволен?!

Лицо его было перекошено от злобы. Мокрые волосы прилипли ко лбу, с него лилась вода. Виталик отвернулся и увидел, что в воде уже было несколько копов. Они ныряли, выныривали, отплывали. Наконец вытащили первое тело. Их товарищи бросили им веревку, и они, пропустив ее под руками утопленницы, это была Ольга Николаевна, подняли ее и уложили на тротуар. Никто не пытался делать ей искусственное дыхание, доставали второго утопленника.

Виталика снова толкнули, он сделал попытку прижаться к перилам, чтобы не мешать людскому потоку, но потом отпустил руки, и поток тут же повлек его за собой.

Ноябрь 2020

Любовь КОЛЕСНИК

Бабушка просила: «Поедешь в лес, привези калины.
После морозов этой ягоды нет слаще.
Помню, мы в детстве лакомились ею».

Я ехала в лес в громадном жёлтом «Икарусе».
Я шла в лес мимо цыганского поселка,
мимо пёстрых индюков, улюлюкающих, как индейцы.
Я рвала калину, набивала ею карманы.
Ягоды лопались, кровь их была густа.

Руки мои были в крови калины,
рот полон хинной горечи,
сквозь которую едва пробивалась слабая кислинка.
«Это потому, что ещё нет морозов», – говорила бабушка.

Когда её хоронили, морозов не было.
Калина стояла, покрытая белыми цветами.

С тех пор я рвала калину каждую зиму,
в каждом лесу, в который могла поехать:
на скрипучем ПАЗике, воняющем дизелем,
бодрой «десятке» с кубиками на лобовухе,
красивой электричке с голосом районной методистки,
внедорожнике с заваленным мусором пассажирским сиденьем.

Калина всегда была горькая,
даже если стояли морозы под тридцать.
Ягоды замерзали, как пластиковые бусины,
я раскусывала их, зубы немели и ныли.
Я не понимала, что у меня во рту –
кровь из прокушенной десны или ягодный сок.

Сладости не было.

Сегодня я снова сорвала коричневую ветку
с целым зонтиком нетронутых птицами ягод
и поняла: они просто не умеют быть сладкими.

Любовь Колесник родилась в 1977 году в Москве. Окончила биофак Тверского госуниверситета. Публиковалась в журналах «Звезда», «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Урал» и др. Автор пяти книг стихов, среди них «Мир Труд Май» (М., 2018). Живет во Ржеве.

Так хочет память маленькой девочки, говорящая ртом старухи,
память о нищем беззаботном детстве,
которое не знает о себе
ни что оно беззаботное, ни что нищее.
Есть только чудо мороза, узоры его на стёклах,
и заиндевелый куст, усыпанный красными ягодами.

И нет белее этого снега.
Нет сильнее этого холода.
Нет слаще этой калины.

Принеси мне алую ветку с мороза.
Я буду ждать, когда калина станет сладкой.

Как живу? За деревней – легко, как бирюк,
утром выкрасил в желтое ставень.
Здесь на сотню гектаров болото вокруг
и суглинок смерзается в камень.

На травинке батрачит овальная тля,
ей ни сдохнуть, ни остановиться.
На коряге тетерка, и Карна, и Жля –
три осколка в коре, три сестрицы.

Угадай, где тут кто, под каким из холмов,
землянику хватаешь, дуряя.
Из распластанных бревен трухлявых домов
вырастают тугие деревья.

А когда соловьиный начнется фитьфить
посреди черноземного рая,
так душа развернется, что грех не завывать:
слушай, родина, слушай, родная.

Жуком в плену нестрашном спичечном
живу как будто понарошку.
Качает ямбом электрическим
и амфибрахию метрошным.

В толкучке медь с крыла сдирается.
Зудит игрушечное жалко.

Слова встречаются, теряются –
себя не жалко, их не жалко.

Я белый шум в зеленой рации,
звук тягомотный пленки мятой.
Кенжеев в третьей итерации
и Ходасевич в минус пятой.

слава проходит транзитом
поезд москва воркута
буду твоим паразитом
здравствуй стальная пята
буду твоим короедом
дуб в орденах и цепях
я никуда не уеду
я повсеместно в гостях
мамка на стол накрывает
жри жестяной огурец
муза медуза кривая
коми-пермяцкий волчец
дробное медное мыто
в небо уходит трубя
мне повсеместно закрыто
я ухожу из себя

Взрослый человек беспомощен
и тревожен.
У него в огороде овощи,
в руке ножик.

Этим ножом ясноглазые пионеры
человека учили открывать консервы, стричь ногти, вонзать во врага,
делать ватно-марлевые повязки от чумы и холеры,
ставить на кон во время игры в дурака.

А теперь человек вырос и сам дурак.
Он смотрит, как медленно всходит бурак –
машет красными галстуками ботвы
на манер плавников плотвы.

Человек машет, бурак просто растёт,
чтобы стать пищей.

Только нож не ржавеет, он так живёт,
до поры до времени заткнутый за голенище.

В 2121 году от партии власти в Тверской области
на выборы губернатора выдвинулся борщевик Сосновского.
С объемной программой: развиваться и расти,
производить зеленую массу практически из воздуха.

Защищать и предотвращать проникновение
на вверенную территорию.
Бороться за свет, модернизировать освещение,
поощрять у молодежи интерес к ботанике и истории:

побеги в форме вилочкового креста –
символ духовности возрастающей, изначальной.
Злые языки шептали: сердцевина его пуста.
Обожглись, замолчали.

Кандидат продемонстрировал факты безупречной биографии:
культивировался, чтобы после войны сельское хозяйство восстановилось.
А какие показатели обещал по демографии –
никому и не снилось.

В том году был сумбур: на выборы шел крокодил
от «зеленых», спрут и пара немолодых сов.
Борщевик Сосновского утвердили
большинством голосов.

Здравствуй, завтра, простое как раз-два-
три – печатает, тянет носок.
Под брусчаткой прикопана правда.
Сединой прорастает висок –
это белые тени берёзок
рассекают просторы полей.
Здравствуй, посвист просоленных розог
в крепких хватах учителей.

Здравствуй, здравствуй, не наша, не ваша,
в куполах и борщевике.
Возвращаюсь с победного марша,
только память гремит в вещмешке.

Через вырубки, через погосты,
сквозь кресты и багровые звёзды,
из себя, над собой, через страх.
«До свиданья» хрустит на зубах.

Тоска такая, что впору
на встречу выпускников.
Там Яблоков и Егоров,
в последний раз я их видела в пору
ваучеров и ларьков.

Яблоков был в кожаном
плаще ниже колен,
с поставленной лаком «площадкой»
и курил сигареты LM.

В чём был Егоров, не помню,
может быть, тоже в плаще,
а может быть, он не Егоров,
и я всё забыла вообще –

кто у кого списывал,
кому кто списать давал,
кто в кого бумажкой из трубочки
слюнявой обидно плевал,

песни Софии Ротару
в кинотеатре «Октябрь»,
куда ребята на дискотеки
бегали весь октябрь.

А помню чётко и ясно
парк у кинотеатра – и яшень,
грозой расколотый вдоль.

Ему было очень больно –
я чувствую эту боль.

Второго июня я вышел на яростный луг:
с горячего неба названивал птицами юг,

оптический город в уме сотворялся из леса
и в будущем зрела дождя вечерая завеса.

Я вышел, я слышал, я в землю собой прорастал.
На лиственных крышах гремел нетяжелый металл

прекраснее золота, действенной трубчатой меди.
От корня живого мое поднималось бессмертье.

Я так и стою, не объятый ни сном, ни печалью
и птицу на ветке ладони держу и качаю.

Закрываю глаза, а за веками пляшет лес,
плачет лес,
лес стоит,
лес горит,
лес живой.

Друг у меня спрашивает:
куда ты исчез?
А я стал травой.

За деревьями смерти нет –
только зима,
о которой не помнишь весной.

Летом всё до краёв
заливает свет,
и живёт во мне,
и растёт со мной.

Не принимала Пола Атридеса средняя полоса.
Человек человеку червь.
Синь сосёт глаза –
больно и боязно Муад'Дибу.
Мать с собой завернула спайса – и то спасибо.

А все равно неудобно: ни песка, ни пещер, ни дыма.
Что-то зыбко-зелёное под ногами, вокруг – дендриты.
Местные называют это «весна, озимые».

Одна из Бене Гессерит говорит ему:
«Своей мощью тянущий корабли
за границу времени и пространства,
никогда на себя не бери
ни чужих долгов, ни живых врагов,
ни дотаций в области сельского хозяйства,
ни капитальной застройки пахотных территорий.
Сгинешь!»

Вскоре
его нашли
недалеко от Плотникова, у моста,
где через Каменку перекинута слеза.
Он лежал в воде,
и звенела вокруг красота,
бабочки опускались на синие веки.

Завклубом плакала, словно по своему,
говорила: красивый, как молодой Есенин,
будто Есенин бывает старый.
Собрали смертное и отпустили в тьму.
Так вот мужик и мрёт, от кредита, бухла и шармы.

Всем его было жалко, и даже лук и яйцо
в поминальной еде горчили.
На выгоне ржали кони.
В красном углу чёрное хмурил лицо.
Владимир Владимирович Харконнен.

Муза печальная с рогом единственным
водит табун речевой.
Что, говорит, всё нормально, таинственна?
Да, говорю, ничего.

Нет, ничего у меня не слагается,
пусто внутри у тряпья.
Дичка табунная не запрягается,
речь вороная моя.

Всё, ускакала в кромешное зарево
бойким копытом стучать.
Муза, какое печальное палево –
всё понимать и молчать.

Пляшет огонь цвета нового чирика,
избы встают из огня.
Лирика-лирика, я в твоём мире как
баба, что ловит коня.

Сразу за МКАДом, за Новорижским аутлетом,
после «Мейджор Авто» и «Твоего дома»,
земной диск обрывается. В провале гудит нигредо
и шевелятся букли густого дыма.

В глубине тьмы странствуют моноподы,
стократ умноженный эхом доносится лай.
Это псоглавцы проводят бетонные работы,
копку колодцев и забивку свай.

А еще ниже, куда не смеет солнце
вглядываться; по колено в воде тоски
краснолицые неулыбчивые мирмидонцы
собирают малину в лубяные лотки.

Наверху каждая мать говорит сыну,
глядя на дым и ощущая дно:
Кушай малину, кушай скорей малину,
сделай погромче радио и не смотри в окно.

Богдан АГРИС

как разговорится наемни
непрошенный книжный двойник
а самое малое сердце
захочет в рисунок простой
так луны пройдут напоследок
одеты неброско но вот
приходишь ты ветер белокурый
в зеркало пожатой волны

немало скупы оболочки
сих непоправимых семян
не время ли выглянуть косо
по топкому свету где перст
возник образцово и горько
громоздкие спят образцы
и тихо качается люлька
и лунного дыма свирель

всё это голосом летало
всё это плыло и светало
а речь каштаном шла в стекло
всё это плыло утекло
а мы в дневном и скользком всхлипе
идём по суматошной липе
где зяблики спешат в просвет
к перетекающей листве

а было мне – листва, минута
не переломано не гнуто
не сбивчиво не вопреки
не задыхание реки

Богдан Агрис родился в 1973 году, живет в городе Химки. По образованию – философ (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). Публиковался в бумажных и электронных изданиях «Новый мир», «Волга», «Знамя», «Полутона», «Кварта», «Флаги», «Новая Юность», «Крещатик», «Плавучий мост», «Сетевая словесность», «На середине мира», «Прочтение», «Дегуста». Автор книг стихотворений «Дальний полустанок» (М., 2019), «паутина повилика» (М., 2021). Соредактор журнала поэзии «Кварта».

а моложаво и пчелино
зазывает и тополино
и клён исподтишка хотел
к неоспоримой высоте

вернись мне сердцевина часа
пройди легко и неведгласо
щеглом рисунком невпазд
о прозорливый звездопад
о дщерь листвы неутомимой
коснись мне времени но мимо
да прянет иволга светла
да канет в иволгу ветла

всё это раскрыто дождём корневым
расправлено в хлябь мельтешенье движенье
волною внахлёт у запястья невы
где лун обомлевших крутое спряженье
где ходит кораблик окрест головы

он ходит по кромке и дразнит письмом
он весь в треволненьях и пенях и бризах
он весь на вощёную нитку нанизан
а час погоди не иначе восьмой
и голуби вытянуты по карнизам

а что мы оставим когда занесёт
сей тонкий кораблик в присест законный
мы плесками тянем во львы и балконы
и льёмся в пространство и ставим на всё
где лунные брызги и пеши и конны

Стансы

мне кажется уже не разрешат
ни злчных звёзд ни вылитых мышат
ни молока солёного по локоть
но тем верней мне станут наравне
бровастые окраины камней
весь их подлунный и полночный цокот

в подглазьях остановленной травы
сетчатокрыло цепенеют львы
и сумерки смыкаются со скрипом
пологий скат взволнованных вещей

вдруг обмирает в медленном хвоще
и великаном вспыхивает липа

кто был здесь медлен кропотлив упрям
тот встанет из отвесных лунных ям
и будет привередливо и дошло
копить в обрывах меловой дневник
(я к языку его давно привык
и для меня он вряд ли станет прошлым)

о криворотый выводок луны
как правильно ты в сумерках двойных
идёшь на медоносный древний опыт
какие львы тебя приноруют
свернуть в чужой немилосердный взгляд
где канешь ты отброшенной синкопой?

не про тебя сих медоносных жил
высокие честные этажи
где тел мгновенных вышиты курсивы
и ласковый кузнечик по поре
стоит у многоточья сизарей
торжественных и запросто спесивых

а мне ещё во тесноте дверной
судачить и беседовать с луной
решать вот ива здесь ещё кислица
где ляжет поминутная река
к чему ещё придётся привыкать
иных времен тягучей веренице

град лепший иже коростель
канун ореховых страстей

град липовый град переходный
ты запросто прошелестел
дождём по осьмеричной коже
ты слётот сотен скоростей

град птичий иже паламид
рябина около гремит

град вылитый, ширококостный
легко собою обними
сии размашистые вёсны

их будет около семи

луна во облаке так смотрит хорошо
ей надо нанизать порядок небольшой
у рытвин воздуха сколь много несогласий
ночное уханье свербит среди балясин
столь шаткой лестницы, а если навспрямки
получишь разворот пременчивой реки
во мотыльковой мгле легли такие росы
что впору пожалеть когда заря пробросом
вдруг землю захлестнёт рыдающей волной
нам травяных тенёт положен ворс двойной
там у косой версты в разрывах долгих окон
где сорные персты мерцали одиноко

синица лёгкая веди
где воздух палевые бреши
синица вёрткая следи
за сходом ливневых орешин

синица блёстками частй
по непогоде этой дробной
синица броская прости
мне этот обморок подробный

обширная твоя молва
волна ли вольная частица
синица небу голова
чего нам здесь ещё примстится?

так щепетильно мы правы
на волосок от сыти тесной
синица около травы
куда ещё мы неизвестно

о мёд с прожилками платана в октябре...
есть маленькая смерть она живёт в ребре
сплошного дерева она медоточива
и не сказать что нас она ожесточила
есть мёд есть смерть есть вещь одна среди вещей
и кто её поймёт – он издревле священ

Иеремия

возьми да вымолви как всё здесь решено
затем оправь лицо да посмотри в окно
как всё встревожено как всё болит да бредит
что поздно ты пришёл что много полой меди
но золота едва в ладонях нулевых
не дрогнула рука под мелочью молвы
ты распрямись хоть мёртв ты говори хоть грешен
а там ты будешь мёд сквозь решето орешин

Поворот земель

Оливье Мессияну

по окончаниям земель
шероховато и безглазо
проброшен окаянный хмель
двунадесятая проказа
настильный шорох кратный дым
идёшь по облаку слюды
по кориолсовым останцам
по процарапанной душе
идёшь под визг карандашей
где что угодно может стать

о ты мгновенная стугна
и преподобная ресница
тебя недолго обогнать
но как ты после будешь сниться
земель немного добирай
их поворачивай играй
но не иди на полюс дальний
где в оборотных облаках
мы не замечены пока
и с каждым веком зазеркальней

о в тыльном осмосе дорог
всей плоскостью сминая стужу
себя ты мало уберёг
скажи кому ещё ты нужен
а снеговая пыль мягка
иди по образу мелькай
а по подобию развейся
цепное лето говори
где обнажённый стеарин
и душные наплывы гнейса

всё мы занесены во птах
во мессиановы кристаллы
о где мне мглиться и роптать
когда меня ты наверстала
моя надзвездная метель
во широте и долготе
мы якорь не сегодня бросим
а там где кетер во полях
уже низведена земля
во именованную осень

кто во плеяды кто во сталь
но это нам уже не ново
а ты читай меня с листа
моя единая основа
во мессиановых ладах
я позабуду никогда
переверни мне земли разом
и буду я лёгк и тих
среди обмолвок и шутих
последней лестницей рассказа

Михаил ОКУНЬ

КЛЮЧИ

Рассказ

*Идёт четверг. Я верю в пустоту.
В ней как в аду, но более херово.
И. Бродский*

Что ж, через неделю, в следующий четверг, отъезд из Петербурга. Все крупные важные дела закончены, остались только мелкие, хотя не менее важные.

Правильно решил по приезде: только не рефлексировать! Стать чурбаном и «дело делать». Решил-то правильно, однако первая неделя... Лучше не вспоминать.

Какие же важные дела я сделал?

Нотариус, по записи за десять дней, три или четыре визита. Опытная Галина Петровна за главным столом, как голова осьминога. А помощницы помоложе, как щупальца, загибают: «Приготовьте 950 рублей за открытие наследственного дела... Приготовьте 18 тысяч – госпошлина... С вас еще 160 рублей за ксерокопирование...»

Подхоронение урны с прахом на кладбище. Тоже три раза наведаться пришлось, всё не так просто. Доказать родство с похороненными в этой могиле. Заказ таблички: «Черный гранит? – два стандартных формата. Вам побольше? Цена зависит от количества знаков на табличке, сейчас подсчитаю... С вас 12 тысяч 231 рубль, из них три тысячи за подхоронение».

Мастер (попросту – могильщик): «Куда подхоронивать – сбоку или в цетник?» («Цветник» – это у них раковина). «Положите руку на урну, скажите слово...» – «Прости, мама!» (Это «прости!» надо было сказать в позапрошлом году в крематории, но там зачем-то развел о трудном жизненном пути. Но, наконец-то, после двухлетней ковидной отсрочки сказал).

Через несколько дней приехал окончательно посмотреть – нет на могиле таблички! Опять пришлось побегать. Хорошо хоть, что уже была изготовлена.

Поэтический вечер. Ну, вечер как вечер, человек сорок пришло. Два часа развлекал публику стихами и прозой, а также старыми байками из писательской жизни (новых у меня нет). Получилось, вроде, неплохо.

Но поздние вечера... Какая-то лимонно-желтая полоса всю ночь висит над горизонтом в черном ноябрьском небе. Квартира, квартира, квартира... Ожидание утра. Пустота.

Эта пустота напомнила мне другую, пятидесятилетней давности, когда в 1970 году демобилизовался. И чтобы спастись от нее, всё лето, чуть ли не ежедневно, стал ездить в гости к Боре Воро-

Михаил Окунь родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина). Работал радиоинженером, литературным консультантом в ленинградской писательской организации СП СССР, редактором. Автор десяти сборников стихов и трех книг прозы. Публикации в журналах «Звезда», «Урал», «Нева», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Зинзивер», а также в альманахах, антологиях в России и за рубежом. Золотая медаль 2-го Международного конкурса современной литературы «Лучшая книга – 2010» (Берлин, 2011) в номинации «Малая проза». Лауреат премии журналов «Звезда» (2019), «Зинзивер» (2014, 2016), «Урал» (2006). С 2002 года живет в Германии. В «Волге» публиковались стихи и рассказы.

нину, с которым познакомился и сдружился в военном госпитале на Суворовском. С Охты было не далеко – он жил в дальнем углу Петроградской стороны, на Пионерской улице. 20-й трамвай тащился чуть ли не час. Но там я обрел новую компанию, которая меня приняла.

Мне они нравились. Целые дни мы проводили на заплыванном пляжике мутного Петровского пруда, что у пивзавода «Красная Бавария». Были там и девочки, но они мне как-то не импонировали. В те годы я был еще слишком разборчив. Впрочем, появилась одна... Я узнал ее адрес, однажды приехал, вошел в парадную на Большом проспекте, поднялся по лестнице с остатками витражей. И оказался перед дверями коммуналки с облупившимися слоями масляной краски, выглядывающими друг из-под друга, – разных цветов, но одинаково мерзких. И с несколькими звонками. Я знал, в какой позвонить, но, простояв полчаса, так и не решился...

Ещё у этих ребят везде в районе были «свои люди». И, взяв портвейн с черного хода гастронома, мы усаживались в сквере, куда выходило кухонное окно «Пельменной». И знакомая пельменщица через подоконник выдавала нам пару глубоких тарелок с горой дефицитных пельменей. Разумеется, бесплатно. Впрочем, время от времени она улучала минут десять и присоединялась к нам, чтобы пропустить стаканчик.

Да, ещё был там один человек – не скажу, что в ближнем круге, но знакомец. Это был некто очень маленького роста, неопределенного возраста – ему можно было дать и 20, и 50. Жил он со старухой-матерью в подвальном этаже. Вылезая из своей берлоги, он брал в хозмаге 200-граммовый пузырёк политуры и четвертинку формового в булочной (на портвейн, а тем более на водку, денег у него не было, а политура стоила копеек 20-30, хлеб – 4 коп.).

Никого и ничего ему не было нужно. Идя домой, он радостно сигнализировал с другой стороны улицы – мол, всё в порядке, всё взято, и поспешал к себе.

Почему-то в последнее время я часто вспоминаю этого человека, хотя лица его совершенно не помню. Может быть, в свете всего произошедшего в последующие пятьдесят лет, так и надо было?

Но уже в конце августа того же года я поступил лаборантом в техникум, восстановился в институте на вечернем, с сентября начались занятия. Необходимость в Бориной компажке отпала, но отношения хоть и вяло, но еще продолжались. А закончились резко.

В то время был я человеком непорченным и верил людям, хотя служба в армии эту веру несколько пошатнула. Я еще не был знаком с уловками алкоголиков, пусть и начинающих. Это теперь я изучил их, а некоторые, к стыду своему, и перенял...

Мы с Борей встретились в конце декабря 1972 года. Поколбасились в районе метро «Петроградская», что-то выпили. Внезапно Борис предложил мне встретить Новый год вместе, у него. Родителей дома не будет. Он пригласит двух девушек...

Предложение было заманчиво, особенно насчет девушек. Своей девушки у меня не было, других вариантов встречи Нового года тоже – кроме как дома с мамой (эх, всё бы сейчас отдал!..)

В тот день я получил стипендию (к этому времени я уже перевелся на дневное отделение). Боря это учел и ненавязчиво предложил: «Давай сейчас на твои купим две бутылки водки на Новый год, я их захвачу домой. Деньги за одну потом отдам. Салаты будут, шампанское куплю». И я наивно согласился...

Он добавил: «30-го уеду на дачу, надо там посмотреть кое-что. Если заночую и вернусь позже, приходи и жди меня. Соседи откроют, а ключ от комнаты будет в ящике кухонного стола под газетой».

Мы купили две зеленых бутылки «Московской» по 3.62 (или тогда она еще 2.87 стоила? – всяко это было значительной частью моей стипендии), и Боря, отягощенный новогодним запасом, отбыл.

31-го декабря я приехал часам к девяти. Открыла соседка, вяло выслушала мои объяснения и ушла к себе. Ключ от комнаты был на месте. Я открыл ее и стал ждать.

Вспоминаю и удивляюсь себе тогдашнему. У меня даже не возникло вопросов, откуда возьмется новогодний стол, шампанское. Откуда возьмутся две девушки? – вот-вот приедут, что ли? Нечто бальзаминовское, – мечтания, само всё делается...

Прошел час. Странно я себя чувствовал – сижу один в чужой комнате, в отсутствие хозяев. В коммуналке стоит мертвая тишина, никаких признаков подготовки к наступающему празднику. Даже от мышеобразной соседки, открывшей мне дверь, ни шороха.

За единственным окном в фонарном свете поблескивают трамвайные рельсы. Побродил по комнате. И тут обнаружил торчащие из-под шкафа две пустые бутылки «Московской». Те самые, без сомнения. Они-то меня, наконец, и вразумили.

Транспорт тогда еще ходил регулярно всю новогоднюю ночь. И за полчаса до наступления Нового года, к удивлению мамы, я заявился домой.

С высоты прошедших лет могу оценить как сверхуспешный тогдашний Борин экспромт, направленный на то, чтобы заполучить на текущий вечер две халявные бутылки водки.

Итак, по мелкому, но важному делу поехал в центр вневедомственной охраны. Договор по охранной сигнализации квартиры расторг с ними года два назад, а контрольный комплект ключей остался у них. Надо забрать.

По телефону их сотрудница предпенсионного возраста Жураховская, курировавшая мой участок, ответила:

– Приезжайте, но учтите – вход у нас теперь через КПП на территорию, а не с главного подъезда. Оттуда мне позвонят, и я вас встречу. Паспорт не забудьте.

О, КПП! Как давно не был я на КПП! Впрочем, паспортный контроль в аэропортах напоминает КПП, но не настолько. А тут – деревянная, выкрашенная в светло-зеленый цвет будочка, узкий проход с вертушкой турникета, а главное... За стеклом – милая девушка, пытающаяся быть серьезной. Портили ее только пятнистая защитная форма и серая армейская ушанка. Но что делаешь – положено по форме.

Жураховская пришла за мной и привела в знакомый мне кабинет, где она сидела еще с двумя сотрудницами. А дальше начались долгие телефонные поиски некоего Тяпкина, без которого выдать комплект ключей оказалось невозможным.

Жураховская звонила в разные подразделения своей конторы по местному телефону, но Тяпкин был неуловим. Везде его видели, везде он «только что вышел»... Вспомнился фильм «Прохиндиада» с Калягиным.

Жураховская, поняв, очевидно, всю бесполезность этих звонков, решила сама отправиться на поиски. А меня попросила подождать на диванчике в коридоре. От нечего делать снова углубился в прошлое.

...Да, больше мы с Борисом никогда не виделись и не созванивались, дружба кончилась. Хотя первое время мне еще хотелось каких-то объяснений. И, возможно, я бы их принял. Но они не последовали. И я с чистой совестью окончательно влился в компанию пьющих студентов институтской группы, костяк которой составляли иногородние – Вова Иванов из Боровичей и Вова Мартынов из Вязьмы Смоленской области. Первый снимал комнату-пенал в доме Раскольниковыча в районе Сенной (в такой же наверняка проживал вечный студент Родион Романович), второй жил в общежитии института. Время от времени ему с малой родины переправляли самогон. Ни до, ни после не пил я подобного зелья. Ощущение было такое, будто ешь землю. Родную, смоленскую. В общем, местá, где можно посидеть и выпить, имелись...

...Между тем появилась Жураховская с толстым гроссбухом под мышкой и поманила меня в кабинет.

– Нашли Тяпкина? – спросил я с надеждой. В ее ответе почудилось что-то гоголевское:

– Нет, но журнал его нашла.

Я расписался в линованной конторской книге («журнал Тяпкина»!), получил комплект ключей. Вот они: ригельный, два французских, магнитная блямба от подъезда. Надежные ключи от

жилища, в которое когда-то, в далеком 1967 году, радостно въехали. Своё, отдельное, не коммуналка!..

Жураховская на прощание посмотрела на меня взглядом, в котором прочлось: вот, ухóдите, а мне тут еще целый год Тяпкина ловить...

На выходе милая охранница вновь дружелюбно посмотрела на меня. Эх, сняла бы ты свою ушанку, распустила б волосы, скинула свои пятнистые доспехи! Устремились бы вместе куда-нибудь вдаль...

Решил прогуляться. Кто-то сказал, что прогулка – лучшее развлечение для бедных. Соглашусь, но добавлю – не только для бедных. Возможность дышать, двигать руками-ногами, смотреть на деревья, на выползень-ручеек, пробивающийся по дну заросшей канавы. Это тебе не в аду.

В аду я несколько раз побывал во сне. Это были не какие-то азиатские пытки и прочие ужасы. Просто лежишь ты в каком-то тесном ящике в позе эмбриона, и ни пошевелиться, ни разогнуться не можешь. Даже в каменном мешке тюремной камеры можно сделать два шага вперед и столько же назад. Даже в гробу можно вытянуться во весь рост. А тут – ящик. И так – вечность. Только усилием воли удавалось проснуться и вырваться...

В народе этот странноватый райончик когда-то назывался «У кинотеатра “Звездочка”», одноэтажное здание которого давно снесли. Добрёл метров двести до входа в одичавший лесопарк. Когда-то, говорят, здесь были огороды русских корейцев. Трехэтажный дом серого кирпича, нестандартного вида, словно укрепленный бастионами, угрюмо смотрел через грунтовую дорогу на опушку леса. Оттуда, из кустарника, ему подмигивали тусклыми окнами несколько частных домишек, окруженных полуразвалившимися заборами. Судя по этому подмигиванию, они еще были пригодны для жилья.

Внезапно из калитки ближнего домовладения выдвинулись две тёмные фигуры, дошли до дороги и стали приглядываться к человеку, который фотографировал на телефон их родные места, то есть ко мне. «Э, пацан, ты чего нас снимаешь?! – выкрикнул один. – Не надо нас снимать! Не смотри на нас...»

Хриплые голоса. Похоже, примерно мои ровесники. Как Боря Воронин, как оба Владимира – Иванов, уже покойный, и Мартынов... Всем, кто дотянул, уже семьдесят плюс-минус. Кончилось наше веселье. Действительно, «не смотри на нас». Лучше не смотреть...

От греха поспешил к автобусной остановке. Шоссе убегало вдаль меж двух стел тёмно-красного гранита – недавно, видимо, отреставрированных, заплаты были посветлее. С начищенных медальонов желтого металла, укрепленных в верхней части этих столбов, в упор смотрели друг на друга Ленин и Сталин.

Я сел в будке остановки и стал ждать автобус. Ничего, всё еще наладится! Вот и дополнительная связка ключей от дома у меня появилась...

Сергей СЛЕПУХИН

Из Гёльдерлина

Одно утешает,
между поломанных стульев
есть местечко присесть,
вздохнуть, отдышаться.
Комната с мебелью старой,
звёзды золотые огарки
в тусклом окне.
Неужели и вправду
всё это было,
и всё продолжается снова?
Можно ль продлиться,
в слова уходя без ответа?
Куклы безмолвны
на крашенном старом комоде,
неуследимы
в глазницах фарфоровых мысли.
Мартовский луч-простачок
в раме оконной хиреет.

Подпись под гравюрой

Rhinoseros, грозная броня,
зной свинцовый, пленный паладин,
время онемевшее граня,
ты стоишь на площади один.

Бронзовый горошек и вишй,
юфть блистает, глаз не оторвёшь.
Вялая растерянность в тиши,
липкий шелест неподвижных кож...

Ратник-неудачник носорог,
не твоя, скотинушка, вина!

Сергей Слепухин (1961 г.р.) – екатеринбургский поэт и художник. Закончил Уральскую медицинскую академию. Издавал литературный альманах «Белый ворон». Автор нескольких сборников стихов и книг эссе. Публикации в журналах «Звезда», «Нева», «Волга», «Крещатик», «Новый берег», «Иностранная литература» и др.

Дюрер, Дюрер, беспощадный бог,
ну, когда закончится война?!

Ветви ищут объятий, окна весны разноглазы,
женщина, мамка – земля – от родов тяжёлых отходит,
сердце раздето, а солнце еще без любви ледовито,
мысли мои тормозят в переходе на летнее время.

Ельник, мусор, стекло, стучит вдалеке электричка,
не различимы пока дождика водные знаки,
принято верить весной снова в бессмертье и вечность,
раны зимой залечив, выгнав подвальные тени.

«Нежная жизни игра...», – Гёльдерлин вымолвит бледный.
Бедный! Блаженство пьянит лишь дураков и младенцев.
Медленно и навсегда жизнь из тебя убывает.
Важно лишь то, мой дружок, что происходит сейчас.

В декабрьском сумраке, безвидной пустоте,
фонарный столб продолжен отраженьем,
лязг буферов, противный запах дыма,
толпа у кассы, синие сардельки
в буфете грязном, окна, жалюзи.

Страх поднадзорный толчеи вокзальной,
нечистой, неподвижной, обреченной,
спят пассажиры на скамейках узких,
им снится в охлаждённом полумраке,
что наступает тёмная весна.

Я тоже сплю, вокруг меня нагие
скульптуры, почерневшие от пыли,
неразлично мраморное племя
былых богов, уволенных, изъятых.
Мне кажется, я слышу демиурга,
а он меня старается не слышать...

Поезд громыкает по кривой,
три коротких, рокот горловой,